

я предвижу съ сожалѣніемъ, что красавицы береговъ Шпрее и даже Альстера будутъ морщиться читая мою поэму. Еще съ бѣльшимъ прискорбіемъ слышу уже крики патріотическихъ фарисеевъ, идущихъ теперь рука въ руку съ ценсурою „Какъ“, вопять они, „ты оскорбляешь даже наши національные цвѣта, измѣнникъ отечества, другъ Французовъ, которымъ ты готовъ отдать нашъ вольный Рейнъ!“ — Успокойтесь, я готовъ чтить и уважать ваше знамя, если оно будетъ того достойно, переставъ быть пустой или рабской игрушкой. Водрузите его на вершинѣ германской мысли, сдѣлайте его хоругвию всего свободнаго человѣчества, — и я охотно отдамъ за него лучшую кровь моего сердца. — Мое отечество — люблю я также горячо, какъ и вы. Ради этой-то любви выжилъ я тринадцать долгихъ годовъ въ изгнаніи; ради ее-то возвращаюсь туда снова и — можетъ быть навсегда, — безъ хныканья однако и жалкихъ гримасъ *). Я другъ Французамъ, столько

*) Гейне, какъ извѣстно, прожилъ съ 1830 г. — до самой своей смерти, почти безвыездно въ Парижѣ, будучи принужденъ оставить свое отечество, — благодаря преслѣдованіямъ правительства.